№29 1997

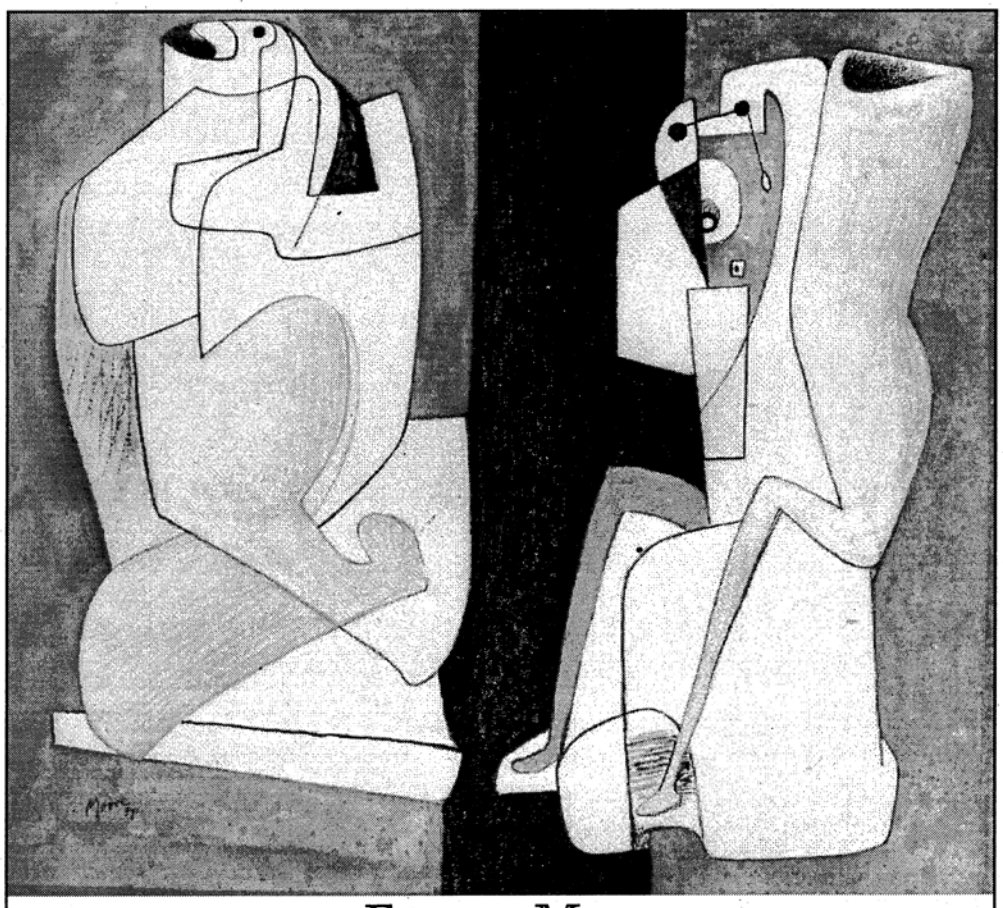
АННА ГОСТЕВА

СОЦИАЛЬНОЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В РУССКОЙ

Признание женщины символом русской культуры вообще, в частности классической русской литературы, стало штампом. Впрочем, причина появления именно такого символа, равно как и его содержание, остается за рамками традиционной литературной критики. Между тем, каким образом создавался "идеальный" женский образ в литературе, что в него вкладывалось, какие ценности тем самым утверждались в общественном сознании, представляется небезынтересным. Для того, чтобы это выяснить, необходимо воспользоваться средствами социологического анализа. Для этого стоит обратиться ко времени рождения русской литературы - началу XIX в. Именно тогда начинают формироваться ее традиции и стереотипы.

Роль литературной критики здесь особая. Критика, как ни странно, но это, видимо, чисто российский парадокс, появляется в России раньше литературы и частично присваивает себе ее функции. Еще только формируются жанры, а критика уже указывает литератору, как и что описывать. Основным же критерием оценки становится соответствие идейной подоплеки литературного произведения неким жизненным реалиям. Поэтому социально-половые отношения стоит рассмотреть на материале как литературного произведения, так и литературной критики того времени.

В России, как и в Европе, женщина в литературе "творилась" мужчиной-автором, что обусловило взгляд на нее извне, со стороны. Именно такой взгляд лежит в основе маскулинного видения мира - отношение к женщине, не как к существу, себе подобному, а как к чужому, представителю непонятного, а иногда враждебного начала.



Генри Мур.
Рисунок для скульптуры. 1937.

Женщины-авторы были немногочисленны и малоизвестны. Часто незаслуженно. Слава, например, такой яркой поэтессы, как Евдокия Растопчина, не вышла за пределы ее литературного салона. И хотя ее творчество не повторялось даже на фоне "золотого века" русской поэзии, оно не попало в поле зрения критиков-создателей литературных репутаций. Это происходило и с другими женщинами-авторами, как поэтами, так и прозаиками. Их немало печатали, например, в самом популярном журнале "Библиотека для чтения", но критики обходили эти произведения стороной.

Причина этому, думается, как легкое пренебрежение к женскому творчеству, так и известная тенденциозность русской критики. К примеру, произведения, не отвечающие философским и эстетическим воззрениям конкретного рецензента в лучшем случае подвергались разбору с пристрастием. В худшем - незамечанию вообще. Так произошло с поэзией Тютчева, незамеченной в свое время Белинским, одним из самых влиятельных создателей литературных репутаций.

Так, позже, Добролюбов, рецензируя стихи русских поэтесс, найдет в них некоторые эстетические красоты, но не найдет ничего общественно-значимого. Таким образом, литература на протяжении XIX столетия остается преимущественно мужским полем деятельности.

И не только литература. В России, как и в Европе, общественно-политическая жизнь - чисто мужское занятие, деятельность женщины ограничена семейным кругом. Странным образом, в литературе женщина, являющая носителем этической нормы, становится идейным центром произведения. Мужчина оказывается как бы в тени героини. Особенно ярко это проявлялось в тургенвских романах, таких как "Рудин" и "Дворянское гнездо". Героини готовы не только воспринять определенную систему ценностей, но и отстаивать ее перед лицом враждебного мира. Они последовательны в своих поступках. Герои же, неизменно пасуют перед препятствиями, способность на решительный поступок - это не про них. Критика, в лице Добролюбова, все ждала от Тургенева явление героя-мужчины, равного героине-женщине (статья "Когда же придет настоящий день?"). Безуспешно.

Но здесь возникает вопрос - что же это за система ценностей, которую защищает женщина? Если литературная героиня является носителем этической нормы, то само содержание этой нормы требует пояснений, поскольку оно не всегда оказывается однозначным.

Историю двойного стандарта в философии воспитания рассматривает Дж. Гримшоу в своей работе "Идея женской этики", анализируя "Эмиля" Руссо, она отмечает различия мужских и женских добродетелей. По мнению Руссо, если мужчине приличествует независимость и самостоятельность, то женщине - послушание, целомудрие и исполнение долга. Не менее важна для женщины ее репутация. "Для женщины еще далеко не достаточно совершить доброе дело, для нее не менее важно всеобщее о ней мнение, нежели ее действительное достоинство. Из этого вытекает, что к девушке следует применять совершенно иную систему воспитания, чем к юноше: людское мнение - это могила мужской добродетели и престол, на котором торжествует добродетель женщины". Этот "просвещенный" взгляд не только прекрасно укладывается в систему патриальхальных ценностей, но и весьма живуч.

Уже в начале XX века А.Коллонтай, протестуя против традиционного изображения женщины в литературе, отталкивается от прежних традиционных добродетелей: "Веками в ней воспитываются добродетели, необходимые для исполнения роли любовницы, жены и матери - покорность, мягкость, отзывчивость, эмоциональность, умение приспособиться и уступить". Современная феминистская публицистика перечисляет все те же ценности, господствующие в "женской этике" уже нашего времени. Э.Новикова в статье "Женщины в политической жизни России" отмечает противоречия между ролью политического лидера, и традиционными женскими качествами: "Те черты личности, которые считаются необходимыми для лидера - самостоятельность, решительность, смелость более всего приходят в противоречие с теми, которые в соответствии со сложившимися стереотипами приписываются "истинной женщине" - мягкость, послушность, подчиненность".